

Бояра

3-я Западная линия. Берлин-Бремен-Бремерхафен

Последний вагон пассажирского поезда

После полудня

Парень в оранжевом худи, тёмно-синих брюках и черных туфлях, с небольшим рюкзаком устроенным на полке сверху, сидел вглядываясь в пробегающий пейзаж за окном.

Длинные черные волосы, собранные в пучек на затылке, выдавали в нем имперца, да не самого простого — не всякие масла и микстуры дают такой блеск и густоту. Как не скрыться красному карпу среди речной рыбешки, так не сможет Третий наследник скрыться среди простого люда... Что не мешало ему делать вид, словно он так и остался никем не признанный.

Поезд замедлился, глухо пропищали тормоза, останавливая вагон перед станцией. Бег колес по рельсам становился все медленней. Зашумел динамик на крыше, объявили станцию.

Западные земли государства всегда отличались от Востока. Дело отнюдь не в расстоянии — для поезда-пули или самолета два конца континента это лишь 10-12 часов дороги. Дело в самом отношении к жизни и всем с ней связанным. Если на Востоке жили крупными Семьями завязанными на множество негласных правил, смешение крови, обязательства и данное Слово, а развлекались бесконечными сварами с интригами в несколько уровней, а жизнь в Столице текла стремительным горным ручьем, то на Западе, где дальними рубежами Империи правили малые в одну-две ветви кланы, всё словно замерло во времени и двигалось так медленно, что можно было почувствовать как утекает жизнь, оставляя после себя лишь пелену одинаковых дней. Даже аристократы относились ко всему с какой-то ленцой и простодушием обычного серва.

Хлопнула дверь. Дикторша медленной речью, полной внутреннего достоинства, сообщила о следующей станции. До того практически пустой вагон заполнился грубой резковатой речью и гоготом.

Запад всегда казался мне спящей деревней, где под многими слоями черепицы, костей и крови скрывались останки древних Каролингов, что столько веков держались под натиском Государя. Да, их воля была сильна, но подобно тому, как морские волны точат скалы, подтопились и пали разрозненные дома жестоких местных правителей.

Некоторые их потомки до сих пор существуют, приняв Присягу и Обет служить, но не

принявшие образ мыслей и жизненные устои завоевателей. Что до исчезнувших... память о них хранят лишь тяжелые манускрипты на пыльных полках, да школьные учебники славящие времена Великого Государя.

Парень смачно харкнул на обитый жестью пол и тут же утер губы рукавом потертой вонючей куртки. Гогот продолжился с новой силой — даже самая глупая шутка в этой компании имела большой успех.

Даже поезда здесь чувствовались иначе. Если в Столице порой целые линии машин устаревали еще до выхода с завода, то здесь словно старались сохранить каждую как можно дольше. Не раз и не два мне встречались вывески множества мастерских, где простой люд за скромные деньги делал кустарный ремонт дорогой сердцу владельца колымаги. И не только машины, первые конные трамвайчики на постаментах в Берлине, соседствовали со своими наследниками, некоторые из которых до сих пор развозят люд по старым маршрутам, а сверхскоростная пуля на магнитной подушке, не раз и не два обгонит паровой каток с парочкой зеленых вагонов.

Приложившись к банке с яркой этикеткой, парень в плотно облегающей кубики пресса черной футболке, раскинул руки на разукрашенных девиц, что осадили его с двух сторон. Не раз и не два он ловил завистливые и жадные взгляды своих дружков на внушительные бедра и роскошные груди селянок, безобразно торчащие в глубоком вырезе итак слишком коротких блузок. Эти взгляды как раздражали, так и тешили его самолюбие — едва ли он позволит им хотя бы и пальцем коснуться его добычи. Но было на Западе то, что добавляло ему свою особенную ценность. Ощущение некоторой свободы (до тех границ что позволяет практику Кодекс), легкости души и отсутствия тисков времени, когда небольшая заминка может стоить тебе целого состояния, а в некоторых случаях и жизни. Поэтому погрузившись в транс, я жадно ловил каждое мгновение, дышал им, словно пловец перед нырком в воду. Именно в такие моменты, растворяя свои мысли в окружающей тишине, практик подходит ближе всего к той черте, что разделяет подмастерье и мастера, ученика и учителя, практика и вершителя.

— БХАХААХХАХАХХА, кхе-хе-ха, — парнишка аж поперхнулся от счастья, тщетно распушив хвост перед девицами. Его упорство и не желание понимать намеки уже начало раздражать «босса», но тяжесть в чреслах уже пересилила страх перед тумаками. Ненадолго.

Вожак, вальяжно поднявшись с кресла, от всей души хлопнул по спине своего «друга». А потом еще раз. И еще. Только согнувшись и посмотрев ему прямо в глаза, вожак удостоверился, что бунт подавлен в зародыше. И, улыбнувшись, выпрямился подмигнув девицам. Но что-то его смутило. Что-то было не так. Воспитанная во множестве уличных драк чуйка вдруг сработала, обещая неприятности. Зашарив взглядом по, казалось, пустому вагону он вдруг отчетливо увидел — на другом конце сидел какой-то пижон.

Но как? Как он мог пропустить... такой повод повеселиться? С другой стороны, теперь, когда незаметный пижон привлек его внимание, он уже точно не сможет уйти. Поезд, хе-хе, уехал. Ненадолго сжав плечо своего холуя, вожак размашистыми шагами направился в конец вагона. *Тум*, *тум*, *тум* гулко отдавались его уверенные шаги в наступившей тишине.

Его «друзья», неуверенно переглядываясь, зашагали следом, пока подружки начали тихо переговариваться, уткнувшись в телефоны.

— Так, так, так, — широко улыбнувшись проговорил вожак. — Молодой человек, какими судьбами в наших краях?

Но не увидев реакции на застывшем лице показательно вскипел:

— ТЫ ЧЕ?! БЛ, ГЛУХОЙ ука?

Я медленно перевел на него взгляд. Во всем, от кривоватой короткой стрижки, до грязных полов штанов и разношенных ботинок, знавших лучшие времена, отпечатался низкий статус заговорившего вдруг объекта. Наверное, если бы мусорный бак вдруг зарычал, я бы удивился точно также.

Но видимо что-то отразилось на моем лице, ибо вожак вдруг зарычал еще громче:

— АЛЁ, ЗЕМЛЯ ВЫЗЫВАЕТ ЧИНГ-ЧОНГА, — и тут же хихикнул, радуясь «удачно» ввернувшейся шутке.

Что же, похоже придется потратить немного времени... на попутчиков. Уперев взгляд прямо в лицо парня, медленно, стараясь четко произносить слова проговорил:

— Чем-то могу посодействовать? — пролилась из меня привычная фраза.

Как Третий наследник, не раз и не два мне приходилось встречать простаков с различными просьбами к нашей семье. Так что вполне возможно он действительно хочет меня о чем то попросить — видимо, не смотря на все мои попытки, чем-то все еще выделяюсь, что позволило местным сразу заметить во мне аристократа с Востока. Пусть даже и формальности ради, дать ему шанс я обязан.

Проигравший битву взглядов вожак, начал вскипать еще больше, он уже раскрыл рот, когда его вдруг перебил один из дружков:

— Че, бл? по-со-дейст-во-вааать? Эт че, бл, за слово такое? — неизвестное тяжелой гирей упало в маленький омут его разума, устроив там шторм, что не случался со

времен экзаменов и школьной скамьи.

Вожак тут же расслабился, сделал подшаг ближе, а затем резко, как ему самому показалось, вскинулся и схватил меня за ворот. Ткань затрещала, поддержанная ехидным смехом от девиц и настоящим гоготом со стороны парней.

— Чмо, это наше место, — прорычал крепыш мне прямо в лицо, и продолжил —..!

Амбре, своей крепостью, сравнимое лишь с вонью выдержанной пару недель выгребной ямы, ударило по моему носу. Я тут же задумался об этом — не столь грубое, но всё же воздействие запахом могло бы стать хорошим подспорьем в моём арсенале. Однако сейчас не время.

— Э, бл! — подергал он мой ворот из стороны в сторону, еще больше растягивая ткань.

Точно. Он же все это время что-то говорил.

— Не мог бы ты повторить?

— Точно глухой! — уверенно просипел вожак, которому тут же начал поддакивать его дружок.

— Ты че не видишь, здесь всё помечено моей бандой! — медленно, словно вбивая гвозди в гроб повторил крепыш.

— Что правда? — подняв брови демонстративно огляделся. — Вагон как вагон. Для окраины даже неплохо.

Изрисованные маркерами и аэрографами спинки кресел, вкупе с посланиями любви во всех возможных позах на стенах и окнах меня совсем не смутили, чем бы дети не тешились лишь бы пальцы в точки Силы не совали.

— Да он не только глухой, но еще и тупой! — заметил дружок крепыша. Вожак закивал ему и вальяжно продолжил:

— Значит, для ТУПЫХ и ГЛУХИХ, гастролёров, — глумливо проговорил вожак, так и не отпустив ворота, — Слушай внимательно, повторять не буду...

Переговоры явно не имеют смысла. Но не бить же ему морду просто так? Во-первых, это против моих принципов. Во-вторых, проситель должен дойти до кондиции. Поэтому потянувшись рукой к рукаву, чуть поправил браслет на запястье.

— Ребзя, гляньте! — толстый палец с грызенным грязным ногтем уперся в мой рукав. — Да у него проектор!

Я лишь удивленно склонил голову набок. Много раз видел, как охранники рода моей матери демонстрировали их друг другу и потому справедливо считал проекторы *вполне* доступным устройством. Даже вместо привычной тяжелой модели выбрал полегче — титановые вставки тускло заблестели от замигавших элементов.

Глаза крепыша округлились, заметив столь ценные, для него, вещи, а затем губы довольно разъехались в стороны.

— Я смотрю к нам пожаловала большая рыбка? — и демонстративно кивнул своему «другу». Тот пару мгновений тупил, пока не вскинулся и продолжил за хозяином:

— Бро, да он же из этих... мать их, — так и не подобрав слово пробормотал он.

— Аристо, бл, — помог ему со словом второй, видимо вызванный шторм что-то всколыхнул в омуте его сознания, заставив осколки знаний ненадолго всплыть на поверхность.

— А ну заткнулись, ёеее! — наконец выпустив ворот, вожак вальяжно продолжил, — Прошу прощение... ваше сиятельство...

«Ваша светлость», остолоп — мысленно поправил его.

— Я слышал, там на Востоке вы принимаете Прощения от бедных обделенных наследством граждан... Не могли бы Вы принять и моё тоже? — закивал он сам себе.

Этот диалог изрядно утомил. Поезд уже давно покинул станцию. Было бы неудобно устроить потасовку там, где меня могут накрыть охоронцы. Они конечно будут долго извиняться, но продержат в околотке достаточно долго, чтобы потом вся Столица долгие годы судачила о Наследнике, что замарался драками со шпаной.

С другой же стороны, формальности теперь соблюдены. Судя по всему, ветряной маг, теперь никуда от меня не денется.

— О мой род с радостью примет твою просьбу, дружище. Однако, увы, часы приёма уже прошли, — я даже не сильно врал, в Столице сейчас была ночь. — Но лично я, кое с чем могу тебе помочь...

Вожак, сначала разозлившийся, на последней реплике важно закивал. Подойдя к нему поближе, дружески похлопал его по плечу:

— Выйди, пожалуйста, в соседний вагон. Там есть туалет и раковина — они будут в полном твоём распоряжении — вымойся хотя бы раз в жизни, не то, боюсь твои спутницы не оценят твоего запаха.

Мгновение удивленной тишины, сменилось ревом парня. Резко по небольшой дуге — признак обильной практики и отсутствия всякой школы боя — его кулак направился мне в лицо. Простой тычок в плечо догнал его, когда кулак был уже на середине пути. Огромное накаченное тело рухнуло прямо на шестерок, не давая им окружить меня. Короткий вздох и я, собрав энергию в точке на правой ладони, коротким всплеском выбросил комок концентрированного ветра прямо перед собой. Подхваченные небольшим штормом тела, протащило по вагону, ломая спинки многострадальных кресел. Мои глаза горят опалами — элемент земли, добавленный в радужку, позволял видеть отсветы стихии.

Думаю, этого будет достаточно... Или не будет?

Зарывав, вожак вскинулся, помогая себе волнами ветра — я верно угадал его стихию — не рассчитав силы, он взмыл посреди вагона, руками направив потоки воздуха прямо на меня. Сила рвалась из его точек неравномерно, то и дело ему приходится ловить равновесие раскачиваясь из стороны в сторону. Похвально, что он пытается летать в таком возрасте. И грустно видеть, что он забросил тренировки ради глупостей.

Завизжали тормоза. Видимо кто-то дернул рычаг стоп-крана, заметив всплеск энергии в последнем вагоне. Из-за этого висящего в воздухе ученика бросило прямо на меня, окончательно потеряв ориентацию он беспорядочно размахивал руками и ногами, пытаясь совладать со стихией. Но все было тщетно — схватив его за плечо левой, правой я ударил прямо в челюсть, надежно вырубая практика, пока он не разнес весь поезд. Ни ветер, ни рывок вагона не смогли поколебать меня.

Упавшее среди разорванных кресел тело довершило исход скоротечной схватки.

Визг тормозов совсем затих.

Один из дружков в этот момент дал деру, рыбкой нырнув прямо в раскрывшийся тамбур.

— М-мы выходим на с-следующей — промычал второй. Сцена расправы с «боссом» обескуражила его настолько, что он даже забыл как ходить, лишь полз неуверенно, как можно дальше от чудовища, способного убить его одним взглядом.

Я улыбнулся, и похоже улыбка эта лишь сильнее испугала его.

— Девушек не забудь, — уверенно проговорил я.

Парень замотал головой еще сильнее, схватился за потную шею, оглянулся в панике, перепугался еще больше. Наконец, отыскав их в углу, схватил одну клушу за руку и шатаясь потащил на выход. Девушки, от которых веяло ужасом не меньше, чем от серва, лишь сейчас выйдя из ступора, спотыкаясь побежали вслед за ним.

Пришло время разобраться с практиком. Схватив свою сумку с полки, я достал из неё пузырек с едким запахом, раскрыл и поднёс её к лицу неудачника. Крепыш задержался, приходя в сознание.

Иногда, для того чтобы мужчина стал чем-то большим, не хватает самого малого толчка. Увидев, что debil так сконцентрировал на мне взгляд, я ровным голосом сказал ему:

— Через... месяц, я найду тебя, — припечатал я и его зрачки расширились, — И, если наш следующий бой будет таким же скучным... порву тебя на британский флаг.

Парень закивал головой как болванчик.

Спрыгнув с поезда, осмотрелся. Представив карту в голове, попробовал прикинуть расстояние... От Бремена до побережья километров шестьдесят, эта была предпоследняя станция и поезд проехал минут пять, может семь-восемь? Значит мне осталось примерно пятнадцать километров. Пара часов неспешного бега даже для просто тренированного человека.

Но я нечто большее. Я практик. Больше того, я лекарь много сил, редких лекарств и времени потративший на своё тело. Думаю... буду там уже минут через сорок.

Солнце нагрело брусчатку и медленно клонилось к горизонту, вокруг шумели насекомые (неслыханное для Столицы дело), а лёгкий бриз доносил запахи рыбы, водорослей и солёной воды, когда я подошел к стоянке у станции.

Как бы я не хотел продолжить бег по этим улочкам, но положение Третьего наследника обязывало меня направиться к ждущему меня родичу, учтиво раскрывшего двери машины с двойным гербом — для родичей моей матери породнится со столь древним столичным родом было неслыханной удачей, и они не стеснялись демонстрировать своё положение окружающим.

— Господин Третий наследник, свидетельствую Вам моё уважение, — чинно "изобразил" поклон родич. — Рад видеть, что путешествие далось вам легко и непринужденно, и искренне рад приветствовать на нашей земле.

Глубина поклона многое скажет воспитанному человеку. Я прекрасно понимал родича, который своим небольшим демаршем показывал, как он недоволен моей задержкой. Так что вместо немедленно вызова на дуэль он получил лишь кивок, но и просто так оставить это без внимания я не мог. Ни в каком сравнении младший брат побочной линии не может ставить себя на равных с любым из наследников главной, да и еще гораздо более могущественной семьи. Раз уж он так недоволен, мог бы и вызвать меня на дуэль. Даже проигрыш был бы намного лучше чем скрытая обида.

Распахнулась дверь машины и с заднего сиденья на меня рванул маленький лазурный вихрь, шибанув в ноздри запахом местных роз. Я с честью выдержал удар, но удивился насколько сильнее он был в этот раз — прогресс в практике ощутил, и не будь это

захолустье так далеко от Столицы этот живой снаряд мог бы рассчитывать на высшее звание мастерства годам к тридцати.

В отличие от нагрубившего мне родича, Мика была настоящей усладой для глаз. Лазурные волосы, собранные в два длинных хвостика, развевались на ветру. Легкое голубое платье с открытыми плечами и поясом, подчеркивающим талию и груди, босоножками с греческим плетением до колена. И тонкий смешок, с искренней улыбкой, какой она улыбалась только мне.

Мало кому в этом признаюсь, но я продержал её в объятьях несколько дольше чем следовало в рамках приличий. Наслаждаясь ароматом роз, краем глаза следил за родичем, который мог испортить мне долгожданный момент встречи.

Отойдя от меня Мика сделала поклон несколько ниже, словно извиняясь за поведение своего представителя. Едва ли ему это поможет, но доброта её всегда поражала меня.

Так и не закончив поклон, она продолжила:

— Рада приветствовать Вас на нашей земле, Третий наследник, — степенно проговорила она.